

ЭТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: СМЕНА ПОВЕСТКИ И КОРРЕКЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ

С.В. Соловьёва

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный университет путей сообщения», Самара, Россия

Для цитирования: Соловьёва С.В. Этическое регулирование экономических отношений: смена повестки и коррекция ценностей // *Аспирантский вестник Поволжья*. 2021. № 7–8. С. 54–63. DOI: <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2021.21.4.54-63>

Поступила: 29.11.2021

Одобрена: 06.12.2021

Принята: 07.12.2021

▪ Статья освещает актуальную ситуацию, сложившуюся в сфере этического регулирования экономических отношений. Показано, что интерес к этическому регулированию экономики усиливается в переходные исторические периоды, для которых характерна фундаментальная трансформация всех сторон жизни общества будь то становление капитализма или формирование Индустрии 4.0. С опорой на открытые данные социологических исследований, теоретическое разделение рыночного и этического мышления, сжатия сферы чистого этического регулирования (М. Сэндел) обосновывается мысль о пополнении этических эталонов в сфере профессионально-трудовой деятельности. Оно выражается в переходе от этики призвания к этике доверия, последняя выходит за границы межличностных отношений, формируя культуру «институционального доверия». Современные практики этического кодифицирования деятельности компаний находятся под большим влиянием проблем ценностного измерения цифровизации, автоматизации, искусственного интеллекта, «зелёной экономики» и инклюзии в деловой культуре организаций.

▪ **Ключевые слова:** этическое регулирование; ценность; экономические отношения; этика призвания; этика доверия; информационные технологии; зелёная экономика.

ETHICAL REGULATION OF ECONOMIC RELATIONS: AGENDA CHANGE AND VALUES CORRECTION

S.V. Solovyova

Samara State Transport University, Samara, Russia

For citation: Solovyova SV. Ethical regulation of economic relations: Agenda change and values correction. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2021;(7-8):54–63. DOI: <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2021.21.4.54-63>

Received: 29.11.2021

Revised: 06.12.2021

Accepted: 07.12.2021

▪ The article deals with the current situation in the field of ethical regulation of economic relations. The author shows that interest in the ethical regulation of the economy increases during the transitional historical periods, which are characterized by a fundamental transformation of all aspects of society's life, both the formation of capitalism and the formation of Industry 4.0. The idea of replenishing ethical standards in the field of professional labor activity is substantiated on the open data of sociological research, the theoretical separation of market and ethical thinking, the contraction of the sphere of pure ethical regulation (M. Sandel). It is expressed in the transition from the recognition ethics to the trust ethics, the latter goes beyond the boundaries of interpersonal relations, forming a culture of "institutional trust". Modern practices of ethical codification of companies' activities are greatly influenced by the problems of the value dimension of digitalization, automation, artificial intelligence, "green economy", inclusion in the business culture of organizations.

▪ **Keywords:** ethical regulation; value; economic relations; recognition ethics; trust ethics; information technology; green economy.

Введение

Этическое регулирование экономических отношений — тема достаточно старая, имеющая многотысячелетнюю историю, но вместе

с тем часто кажущаяся факультативной, нечто вроде внешнего лоска, которым можно маскировать сомнительное содержание. Если экономика — это территория производства,

денег и прибыли, труда и эксплуатации, то где здесь может поселиться этика, которая выстроена вокруг императива, Другого, блага, идеала, общественной и индивидуальной пользы?

Этическое регулирование экономики чаще попадает в фокус внимания в те исторические периоды, которые принято называть переходными. Гибкая система капитализма опять входит в очередное пике трансформаций, мы переживаем это, будучи свидетелями и агентами изменений этической повестки. Важные исторические процессы связаны с промышленной революцией 4.0, кризисом социального государства, «внезапной» активностью движения MeToo, культурой отмены, запросом на инклюзию, ростом самоцензурирования в сфере медиа, деловой культуры, бизнеса.

Этическое беспокойство современного общества (феномен Греты Тунберг, схватки технооптимистов и технопессимистов, антипрививочное движение и пр.) оказывает существенное влияние на этическое регулирование экономики в условиях перехода на «капитализм платформ». Целью представленной работы выступает осмысление процессов трансформации этического регулирования экономической деятельности в контексте конфликта рыночного и морального мышления. Достижению цели будет способствовать решение следующих задач: экспликация процесса пополнения этических эталонов (расширение этики призвания этикой доверия, в том числе в сфере профессионально-трудовых отношений); влияние новой этической повестки на деловую этику экономически активных организаций и предприятий. Данные задачи решаются на методологических основаниях и принципах критической теории, которая предполагает рассмотрение социальных отношений с позиции производства власти, влияния, синтеза теоретического осмысления и реализации знания в практическом действии субъектов. Используются также методологические установки социального конструктивизма, суть которых состоит в рассмотрении общества как реальности, наполненной intersubjectивными, сконструированными в понимании-действии субъекта смыслами. Сочетание указанных философских методологий позволяет сделать предмет исследования — актуальные принципы и практики этического регулирования экономических отношений — адекватным как природе научно-философского познания, так и учитывать его очевидную историческую уникальность.

Пополнение этических эталонов: этика призвания и этика доверия

Этическое регулирование экономических отношений имеет как значительную историю, так и выступает активно развивающейся сферой внутри профессионально-трудовых отношений. Особенностью этического регулирования (в отличие от юридического или технического) выступает то, что соблюдение тех или иных норм, правил, установлений обеспечивается не государством или иными правовыми институтами, но конкретным сообществом. (При)нудительность в исполнении нормы (что и создаёт этическое наполнение экономического действия) связано со свободным принятием социальными субъектами той или иной системы ценностных установок. Это демонстрирует практика повсеместного внедрения этических кодексов организаций, профессий, сообществ и пр. Практика институционализации, кодифицирования общих ценностей — это показатель вложений сообщества/организации в рефлексию и публичное представление тех ценностей, которые станут основанием для решения возможных этических конфликтов. Этический кодекс — это попытка создать свой «корпус», «конструкт» ценностных правил, позволяющих субъектам действовать в ситуации тотального многообразия смыслов, конфликтов и давления «новой этики». Это примета кризиса универсалистского этического проекта и попытка выживания в условиях неопределённости.

Как известно из истории, формирование системы западноевропейского капитализма было немислимо без религиозных ценностей. Протестантизм и католицизм шли рука об руку с ростом капитализма (М. Вебер, В. Зомбарт). «Они пережили, — пишет В. Зомбарт в отношении хозяйственной жизни Европы начала Нового времени, — необычно сильный религиозный подъём вслед за реформацией. И тут, к концу XVII в., происходит этот внезапный порыв неукротимого стремления к наживе и предпринимательского духа» [9]. В деловой культуре европейского буржуа синтезировались жажда наживы, рационализированного расчёта и идея служения долгу, божественному предназначению [3]. Символическим продуктом синергии стал концепт «призвания» — способность личности полностью отдаваться деятельности в рамках своего дела, профессии. Уже Лютер пишет о двояком призвании: «призвание от Бога» («посланы от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа») и «призвание от человека», последнее — это «указание

на тех, кто имеет божественное призвание, но пришёл [призван] через человека». Вне зависимости от типа призвания «Бог никогда не позволит преуспевать делам тех, кто не был призван» [12]. Немецкое «Beruf» или английское «Calling» становятся базовыми регуляторами этики деловых и трудовых отношений.

В современном мире всё чаще концепт призвания «вымывается» из активного профессионального оборота, представляется своеобразной фальшивкой, маскирующей дефицит финансового обеспечения. Уже не первое десятилетие в русскоязычном интернете вращается мем: «Денег нет, но вы держитесь». В отличие от указанной установки духа капитализма исследователи рассматривают как сложную совокупность этических мотивов. В европейской деловой культуре призвание — центральное звено репутации бизнеса, воплощение духа предпринимательства, ценность, благодаря которой буржуа не теряет человеческого лица. В России иначе — призвание было отдано в сектор услуг (образовательных, медицинских, социальных и пр.). Это создало в образовании, медицине, социальном секторе конфликт этики эффективности и этики призвания (долга). В пандемию вышла большая коллективная монография об этических конфликтах в секторе высшего образования России, где показано, что разрушение этического регулирования университетской жизни под напором менеджизма, победа «этоса Администратора» над «этосом Профессора», учёного приводит к девальвации репутации университета и третьего образования [28], а следовательно, деинтеллектуализации гражданского общества.

Хотя значение интеллектуального труда в XXI в. действительно возрастает, социальный статус его работников не повышается, а в различных областях общественной жизни (прежде всего, в политике, образовании, искусстве) наблюдаются очевидные тенденции к деинтеллектуализации. Как это и ни парадоксально, но в ситуации промышленной революции 4.0, на пороге которой мы все стоим, происходит не только трансформация существующей профессиональной структуры, но и возрастает тренд, связанный с ростом дилетантизма. Конфликт захватил все сферы профессионального труда, будь то промышленное производство, транспорт, или медицина, искусство, культура. Морализировать не продуктивно. По мнению петербургских философов, дилетантизм — это такой способ творческого существования, который может креативно пополнять профессиональный мир. Хотя опасности и драматизм противостояния

специалист/дилетант мы сможем оценить позже, здесь последствия имеют значительный отложенный эффект [23]. Очевидно, что знания, образование, квалификация интеллектуального класса перестали быть инструментами получения власти, а стали средствами, позволяющими дороже продать властям свои услуги. Усилия большинства интеллектуалов сегодня не направлены на познание мира, а активно прилагаются к задачам получения прибыли для корпораций, обслуживания потребностей государства, сохранения у власти существующей элиты и т. д.

Процесс трансформации организаций под напором новых отраслей, генерирующих основной объём прибылей, называют реинжинирингом (reengineering). Он включает в себя преобразование предприятия в сложную сеть, образующуюся из поставщиков товаров и услуг, субподрядчиков, временных работников, текущего персонала, дружественных предприятий, партнёров, проектных команд и пр. Сложная организационная сеть ориентирована на рост производительности труда и постоянное «пересобирание» структуры, в том числе в отношении персонала. Теперь речь идёт о «работе в сети: границы предприятия практически стираются» [1].

Ризоматическая структура организаций требует адекватного ценностного наполнения, и как следствие, новых форм этического регулирования, где в идеале вертикальные формы контроля должны быть заменены на разные инстанции «самоконтроля». Болтански и Кьяпелло пишут, что ведущими ценностными установками становится «неоперсонализм» (акцент не на систему, а на человека, находящегося в бесконечных поисках смысла) и «нормативное, этическое измерение проектного града». Система и человек в производстве блага наполняются такими понятиями, как *ответственность, доверие, партнёрство, верность, взаимовыручка*. В экономике организаций парадигма выгоды начинает конкурировать с этической заинтересованностью и альтруизмом [1, с. 222–223].

Вымывание из активного оборота религиозного понимания долга, дефицит признанности и признанности приводит к тому, что в экономической повседневности наиболее значимыми этическими категориями, регулирующими труд и обмен, становятся понятия доверия и справедливости. Они выходят на авансцену моральной жизни человека и институтов [4, 5]. Всё чаще приходится слышать о феномене не только (меж)личного доверия, но также «институционального доверия». Контекст проблемы морального доверия достаточно

широкий и обнаруживает себя через «доверие к себе и миру», «межличностное» и «институциональное доверие» [15]. Среди известных зарубежных исследователей необходимо отметить фундаментальные работы о доверии Э. Гидденса, А. Селигмена, Ф. Фукуямы, П. Штомпки [6, 22, 25, 27]. Специальных работ на русском языке, посвящённых этике доверия в контексте экономических отношений, пока немного, в частности, две монографии по экономике и социологии доверия [3, 4], статьи, посвящённые доверию как категории профессиональной этики [18, 20]. Несмотря на очевидный интерес многих авторов к проблематике доверия (институционального доверия как части общей культуры доверия), проблема имеет значительный исследовательский потенциал.

PR-агентство «Edelman PR Worldwide» проводит ежегодное социологическое исследование по программе «Trust Barometer», в 2020 г. оно стало двадцатым по счету. В исследовании уровень доверия был измерен в целом ряде организаций, секторов экономики и географических регионов. Охват опроса — 34 000 респондентов в 28 странах. Эксперты Эдельмана сетуют: «Результаты этого года (2020) показывают, что Великобритания находится на самой низкой позиции в глобальной таблице доверия среди массового населения 28 стран. Только Россия является менее доверчивым обществом» [33]. В России утверждение «Капитализм в том виде, в каком он существует сегодня, приносит в мире больше вреда, чем пользы» поддерживает 56 % респондентов. В общем индексе доверия Россия относится к «красной зоне», разрыв доверия имеет показатель 14, при среднем общеглобальном — 28 [33].

Процент опрошенных российских респондентов, «кто считает, что им и их семьям станет лучше через пять лет» упал в динамике 2019–2020 гг. с 40 до 34 % при общеглобальном показателе индекса — 47 %, «страх остаться позади» преследуют 52 % россиян (максимальный у Индии — 71 %, у ОАЭ минимальный показатель — 41 %), уровень доверия при использовании технологий правительством с 2019 по 2020 г. в России упал на 8 % (при среднеглобальном — 4 %). Особенно чувствительными являются показатели доверия в третьем (общественном) секторе экономики. Уровень доверия в российском третьем секторе минимальный среди исследуемых 26 национальных рынков и составляет только 25 %, при среднемировой — 58 %. На втором месте по этому показателю Япония с 40 %, в лидерах Индия — 80 % [32]. А ведь

именно в общественном секторе создаётся максимально «человекообразная» продукция и услуга. Уровень доверия правительству составляет 33 %, Россия здесь соседствует с Испанией, Колумбией, Аргентиной, Кенией. Максимальный уровень доверия населения своему правительству у Китая и Индии 90 и 80 % соответственно. Доверие к средствам массовой информации в России самое низкое среди опрошенных стран и составляет 28 %, ближайшая к нам Великобритания — 35 %, при среднемировом индексе 49 %.

Российский исследователь Ю.В. Латов, анализируя материалы опросов Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) за 2014–2021 гг., эксплицирует динамику и статику институционального доверия россиян. Автор пишет, что в настоящее время можно зафиксировать низкий уровень доверия к институтам политической конкуренции, при высоком доверии к «вертикали власти» в лице президента и армии (доверяют более 50 % граждан). Подобная картина доверия приносит результаты в мире ковидных ограничений, поскольку указанная часть населения поддерживает антиковидные мероприятия и создаёт высокий уровень лояльности государственной власти [11].

Как объяснить разрыв между данными Института социологии ФНИСЦ РАН и «Trust Barometer 2020»? Группа российских учёных по результатам мониторинговых исследований по программе «Trust Barometer» установила, что институциональное доверие выше в менее развитых странах, чем в более развитых. В общероссийских опросах выявлена та же тенденция: «Более высокое институциональное доверие демонстрируют респонденты с более низким человеческим капиталом (менее образованные, менее урбанизированные, более удалённые от столиц...). Эти парадоксальные результаты требуют переосмысления того, как можно измерять институциональное доверие, являющееся важнейшим элементом социального капитала нации» [21, с. 33]. Сама постановка вопроса демонстрирует, что в современных обществах доверию принадлежит «уникальная роль», которая заключается «в приписываемой этому понятию моральной ценности, в том, как часто оно возникает в нашей жизни и в скольких институционализированных сферах оно фигурирует» [22, с. 32].

Очевидно, что культивирование этики доверия предполагает наличие устойчивого, безопасного и максимально не рискованного

взаимодействия трёх важнейших акторов: бизнеса, государства и человека. Для этого нужно время и отлаженность механизмов этического регулирования. Пока мы часто сталкиваемся с «культурой недоверия», которая, по словам Ричарда Мюнха (*die Kultur des Misstrauens*), препятствует «налаживанию как стабильных деловых, так и прочих контактов между людьми». С позиции социолога, истончение потенциала доверия связано с тем, что «общество, которое превращает всё, к чему бы оно ни прикоснулось, в рынки, не знает никаких стабильных отношений доверия и живёт в атмосфере недоверия» [9, с. 102, 104]. Н. Луман, А. Селингом разделяли понятия доверия к личности (межличностный уровень отношений) и уверенности в институтах («системное доверие», эффективная и прозрачная работа экономических институтов и бюрократических систем). Серьёзным вызовом для развития этики доверия стала пандемия COVID-19. За последние несколько лет вышло множество научных работ, в которых институциональное недоверие рассмотрено на материале анализа отрасли общественного здравоохранения, где наиболее чувствительно продемонстрирован кризис надёжности, практики неравенства и несправедливости в отношении значительных групп населения [29].

Тотальную власть рынка делает предметом своего внимания М. Сэндел. Отставание независимости экономической логики, принципов рыночного регулирования от «оценочных суждений», этики и политики, постепенное вытеснение этического регулирования из самых разных сфер социокультурной жизни чисто рыночными механизмами имеет самые драматичные последствия. Как верно отмечает философ, «чем больше рынок расширяет своё присутствие в неэкономических сферах жизни, тем более запутанными становятся вопросы, связанные с соблюдением морали» [24, с. 95]. Рыночное мышление не учитывает тот факт, что моральные и гражданские нормы поведения людей обладают собственной, внутренней ценностью сами по себе. Коммерциализация медицинских услуг, монетизация подарков и оплаченные извинения, перенос хранилищ ядерных отходов в бедные страны, муниципальный маркетинг, страховой бизнес и рынки фьючерсов — вот приметы, где «этика очереди» активно вытесняется «этикой рынка». В обществе функционируют разные способы этического регулирования и инструменты распределения общественного блага: принцип этики очереди — «первым пришёл, первым получил», принцип этики

рынка — «вы получаете то, за что заплатили» [24, с. 33, 44]. Второй императив активно вытесняет первый, по мнению М. Сэндела.

Доверие, как верно отмечает Э. Гидденс, имеет проективный характер, оно не данность, его следует зарабатывать и завоевывать, и без вложения существенных усилий получить его невозможно [8]. Современному обществу это предстоит в любом случае, поскольку «природа современных институтов глубоко связана с механизмами доверия к абстрактным системам, особенно к экспертным системам» [6, с. 213]. Путь к преодолению этической неопределённости, в точке которой мы сейчас все пребываем, проходит через рефлексию, поиск и социокультурное принятие новых этических эталонов. Этот процесс приведёт к созданию такой культуры доверия, которая бы смогла объединить как личные обязательства / *facework commitments*, так и безличные обязательства / *faceless commitments* (Э. Гидденс).

Влияние новой повестки на этическое регулирование культуры организаций

Приметами нового наполнены медиа, инновационные компании, ориентированные на будущее, корпорации старого сектора. Что это за ветра перемен? О чём современная повестка? Она о «зелёной экономике», «этическом регулировании цифровизации, автоматизации, искусственного интеллекта», «социальной ответственности бизнеса», «инклюзивных подходах в деловой культуре компаний» и пр.

Этические кодексы и хартии ценностей мультинациональных компаний, начиная с 90-х годов XX в., обязательно имеют две статьи — неразглашение информации/данных и борьба с коррупцией. Через этическое регулирование трудовых отношений управляющие компании пытаются снизить риски, связанные с неконтролируемым распространением нежелательной информации, хотя «трудящиеся» имеют гарантированное законом право «на выражение своего мнения о предприятии за его стенами» [1, с. 656]. Прошло порядка трёх десятилетий, и мы видим расширение объёма правового и этического регулирования в работе с информацией и большими данными. В деловых отношениях крупных российских корпораций этому вопросу уделяется значительное внимание. В частности, в «Кодексе корпоративной этики Сбера» [10], понятие информация употребляется порядка 80 раз, коррупция — 14, но обе категории выделены

в качестве отдельных пунктов этического кодекса. Предметом внимания в деятельности Сбера выступает следующая информация: внутренняя, служебная, конфиденциальная, инсайдерская, непубличная информация банка, его клиентов и третьих лиц, персональные данные и банковская тайна. Руководителям любого уровня вменяется в обязанность обеспечение не просто соблюдения законодательства и всех положений корпоративного этического кодекса Сбера, но и работа над пониманием подчинённых, что «коммерческие или финансовые результаты не могут быть важнее этического поведения» [10, с. 10].

Сходная ситуация в секторе IT. «Правила деловой и корпоративной этики группы компаний Яндекс» ориентированы на регулирование работы с конфиденциальной информацией. Ведущими реперными точками Яндекса выступают: конфиденциальность, информационная безопасность, способы общения с внешним миром (ключевым звеном в этом сегменте выступает PR-службы компании). Этическое регулирование в сфере трудовых отношений работника и работодателя в лице Яндекса сопровождается подписанием работником таких документов, как «Обязательства о неразглашении конфиденциальной информации», «Положение о коммерческой тайне ООО «Яндекс», «Соглашение о неразглашении информации» [19].

Работа компаний над созданием внутренней культуры этического регулирования имеет своей целью упорядочение взаимодействия сотрудников, клиентов, учредителей и др., что вносит дополнительный вклад в развитие этики доверия к бизнесу. Венгерские учёные исследовали степень доверия в микро-, малых и средних компаниях сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Организации разных размеров, связанные с Индустрией 4.0, имеют неодинаковый уровень доверия. На институциональное доверие в сфере ИКТ-услуг влияют: способность официальных учреждений предоставлять справедливые государственные услуги (Правительство Венгрии выступает своеобразным медиатором и гарантом коммуникации), качество и уровень межличностного доверия внутри компании, между деловыми партнёрами. Высокий уровень доверия в ИКТ-секторе «снижает неопределённость и поддерживает долгосрочные деловые связи» [35]. Так этическое регулирование профессионально-трудовых отношений продуктивно влияет на рост культуры доверия в обществе.

Стремительная цифровизация не только удивляет, но и вызывает недоверие как со

стороны потребителей информационных продуктов, так и в старых отраслях экономики, которые начали активное внедрение искусственного интеллекта. Например, китайский опыт в обрабатывающей промышленности предлагает следующий рецепт укрепления этических ценностей и культуры доверия: «Приверженность руководства, авторитарное лидерство и доверие к промоутеру искусственного интеллекта (ИИ) положительно связаны с доверием к ИИ. Более того, эффект приверженности руководства и доверия к промоутеру ИИ усиливается, когда пользователи имеют высокую самоэффективность» [34]. Вне зависимости от типа государства или сектора экономики построение культуры и этики доверия ведёт к росту результативности экономической деятельности, имеет решающее значение для социального обмена знаниями [37].

Исчезновения целого ряда старых профессий (отраслей экономики) и рост Индустрии 4.0 сопровождается рождением новых форм труда и занятости, усилением консюмеризма и сервильности. Влад государства как ведущего актора трансформации этической повестки трудно переоценить. Стоит обратить внимание на проект трансформации институтов государственной власти, бизнеса и гражданства в концепции Центра стратегических разработок «Государство как платформа». Понятий этики и этического в документе нет, ценность встречается только однажды, в контексте гражданина как потребителя «результатов отработки бизнес-процессов» [16, с. 29]. В развитие данной концепции Российской академии народного хозяйства и государственной службы опубликовал исследование «Государство как платформа: люди и технологии». Обширный текст выстроен вокруг дискуссий о защите и доступе бизнеса, науки к большим данным, открытости государства налогоплательщикам, этическим вопросам манипуляции данными, которые могут привести к дискриминации. Посыл проекта «Государство как платформа» состоит в том, чтобы занять позицию регулятора в сфере больших данных, что отличает от деятельности data-корпораций (типа Google, Microsoft, Facebook), которые зарабатывают через сбор данных и стратификацию на рекламе, нишевых и специализированных продуктах, связанных с интернетом вещей, искусственным интеллектом и т. д. Как отмечается в тексте: «Ключевой вызов для государства начинается появляться в этическом аспекте — как принятия решений, так и готовности предоставлять гражданам не только услуги, но и новые права

и гарантии их соблюдения» [7, с. 3]. Какие инструменты соблюдения прав будут созданы — вот вопрос, поскольку данная концепция всё чаще высказывается о гражданине как о клиенте или потребителе сервисов. Фактически цифровизация и редукция деятельности государства к оказанию услуг приведёт к трансформации самого понятия «гражданства» [2], в котором потребительская составляющая концепта будет представлена в цифровой этике, культуре, демократии.

Коллизии этического регулирования цифровой экономики и цифрового государства стали предметом обсуждения I Международного форума «Этика искусственного интеллекта: начало доверия» (Москва, 2021). Проблема доверия граждан к электронным государственным услугам является международной, а в частности, в Германии публичные цифровые сервисы не пользуются широкой поддержкой и вызывают дебаты среди граждан и академического сообщества [31]. Ещё более широкий контекст задаёт работа европейских учёных, которые опубликовали результаты исследования данных Европейского социального обследования (ESS). Это более 180 тыс. участников интервью из 16 стран Европейского союза. На основании проведения трёх исследований было показано, что «институциональное доверие косвенно влияет на доверие между неродственными незнакомцами, усиливая чувство безопасности людей», а, следовательно, «государственные институты оказывают влияние на межличностное доверие» [36]. А это значит, что в культуре этического регулирования социально-экономических отношения все субъекты взаимодействия значимы.

Не менее сложный опыт этического регулирования связан с внедрением экологических ценностей в деятельность многих международных компаний. Экологическая этика конструирует природный мир как предмет нравственной ответственности и сферу общего блага. Экоцентризм становится нормой сегодняшнего дня. Но ещё 30 лет назад ситуация была кратно иная. В 1991 г. главный экономист Всемирного банка Лоренц Саммерс разослал меморандум, в котором обосновывал перенос грязных производств в страны третьего мира. В этом документе нормативная «экономика благосостояния» доминирует над экорегулированием. По Саммерсу, «миграция загрязнений» выгодна всем: развитые страны получают чистую среду и увеличение продолжительности жизни, бедные страны — новые рабочие места и рост индивидуального бла-

госостояния. Критики данной установки пишут об игнорировании в экономической деятельности таких аспектов, как «естественные права на определённые блага, социальные опасения». Тут рыночное мышление имеет очевидный приоритет над этическими аспектами материальных издержек. Этически спорным выступает допущение о том, что «хорошо информированные индивиды соглашаются с рыночной оценкой последствий загрязнения» [26, с. 278–279].

В настоящее время инвестиционная привлекательность «зелёной экономики» находится в состоянии устойчивого роста. По сведениям Bloomberg Intelligence: экологические, социальные и управленческие активы ESG (environmental — экология, social — социальное развитие, governance — корпоративное управление) находятся на пути к тому, чтобы превысить 50 трлн долларов к 2025 г. (в 2020 г. они составляли 35 трлн долларов), что составляет более трети от прогнозируемых 140,5 в общих глобальных активах [14]. Экологическое регулирование, создание продуктов и услуг по критериям ESG перешли из нишевого сегмента на орбиту «мейнстрима и обязательности» [30]. В экологическом сегменте рейтинговой оценке подвергаются: объёмы выбросов в атмосферу, произведённых отходов, использованных водных ресурсов. «Зелёная» трансформация захватывает традиционные и новые отрасли экономики, крупные организации от Российских железных дорог [13] и Лукойла, до Сбера [17] и Ростелекома. Очевидно, что технологическая и этическая трансформация компаний имеет фундаментальный политический смысл. Иногда зелёную экономику прямо называют крупнейшим политическим проектом современности, за которым будет стоять беспрецедентный по влиянию властный и экономический капитал.

Новая климатическая стратегия развитых стран, управление экологическим рисками, усилия в сфере информационной безопасности — вот ведущие инновационные тренды в сфере этического регулирования экономических отношений. Описанный выше конфликт рынка и этики будет не только усугубляться, но потенциально сформирует новые правила регулирования в экономике и государственном управлении. Происходящие процессы перестройки и этического беспокойства человечества очевидно выражаются в категориях доверия, этического регулирования и кодифицирования ценностей, синтеза теоретического поиска и применения инноваций в практическом действии.

Список литературы

1. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / пер. с фр.; под общ. ред. С. Фокина. М., 2011.
2. Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность // Власть. 2019. Т. 27, № 4. С. 65–69. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6587
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Veb_PrEt/04.php. Дата обращения: 08.11.2021.
4. Весёлов Ю.В. Доверие и справедливость: моральные основания современного экономического общества. М.: Аспект Пресс, 2011.
5. Весёлов Ю.В., Капусткина Е.В., Минина В.Н. Экономика и социология доверия. СПб., 2004.
6. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича. М., 2011.
7. Государство как платформа: люди и технологии. М., 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ganepa.ru/images/News/2019-01/16-01-2019-GovPlatform.pdf>. Дата обращения: 10.10.2021.
8. Дмитриев Т.А. Сокрушительная современность Энтони Гидденса // Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011. С. 7–106.
9. Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zombart_w/text_1913_der_bourgeois.shtml. Дата обращения: 15.10.2021.
10. Кодекс корпоративной этики Сбера [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/normative_docs/sberbank_code_of_corporate_ethics.pdf. Дата обращения: 17.10.2021.
11. Латов Ю.В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11
12. Лютер М. Лекции к Посланию к Галатам [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/gal01.php. Дата обращения: 03.10.2021.
13. Марков Л. Через ESG к устойчивому развитию [Электронный ресурс] // Гудок. 2021. № 193 (27287). Режим доступа: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=1583552&archive=2021.10.21>. Дата обращения: 14.10.2021.
14. Оценка экологических, социальных и управленческих рисков (ESG). Сбер [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.spglobal.com/_assets/documents/ratings/ru/pdf/2021-11-29-new-sbergroup-assigned-esg-evaluation-of-67-ru.pdf. Дата обращения: 28.11.2021.
15. Перов В.Ю., Тазенкова П.А. Проблема морального доверия // Дискурсы этики. Альманах. 2012. № 1. С. 152–170.
16. Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация [Электронный ресурс] // Центр стратегических разработок. М., 2018. Режим доступа: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf>. Дата обращения: 16.10.2021.
17. Политика в области социальной и экологической ответственности, корпоративного управления и устойчивого развития [Электронный ресурс] // ПАО Сбербанк. М., 2021. Режим доступа: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/normative_docs/sber_esg_policy_rus.pdf. Дата обращения: 10.11.2021.
18. Пороховская Т.И. Доверие как моральный феномен // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70), № 1. С. 56–64.
19. Правила деловой и корпоративной этики группы компаний Яндекс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/company/rules/code/>. Дата обращения: 06.10.2021.
20. Реуцкая Г.М. Доверие как категория профессиональной этики // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 115–118.
21. Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В. и др. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Журнал институциональных исследований. 2009. Т. 1, № 1. С. 20–35.
22. Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М., 2002.
23. Соломин В.П., Пигров К.С., Султанов К.В. Дилетантизм как проблема новоевропейской цивилизации // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4(37). С. 68–73.
24. Сэндел М. Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка / пер. с англ. Н. Ильиной. М., 2013.
25. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М., 2004.
26. Хаусман Д.М., Макферсон М.С. Философские основания магистрального направления нормативной экономики // Философия экономики. Антология / под ред. Д. Хаусмана; пер. с англ. Н. Автономовой и др. М., 2012. С. 269–300.
27. Штомпка П. Доверие — основа общества / пер. с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012.
28. Этика профессора. Опыт коллективной рефлексии / под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень, 2020.
29. Best A.L., Fletcher F.E., Kadono M., Warren R.C. Institutional distrust among African Americans and building trustworthiness in the COVID-19 response: implications for ethical public health practice // J. Health Care Poor Underserved. 2021. Vol. 32, No. 1. P. 90–98. DOI: 10.1353/hpu.2021.0010

30. ESG Assets Rising to \$50 Trillion Will Reshape \$140.5 Trillion of Global AUM by 2025, Finds Bloomberg Intelligence [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/company/press/esg-assets-rising-to-50-trillion-will-reshape-140-5-trillion-of-global-aum-by-2025-finds-bloomberg-intelligence/>. Дата обращения: 28.11.2021.
31. Distel B., Koelmann H., Schmolke F., Becker J. The role of trust for citizens' adoption of public e-services // *Trust and Communication*. 2021. P. 163–184. DOI: 10.1007/978-3-030-72945-5_8
32. Global Report [Электронный ресурс] // Edelman Trust Barometer 2020. Режим доступа: <https://cdn2.hubspot.net/hubfs/440941/Trust%20Barometer%202020/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report-1.pdf>. Дата обращения: 05.11.2021.
33. UK Supplement #TrustBarometer [Электронный ресурс] // Edelman Trust Barometer 2020. Режим доступа: <https://www.edelman.co.uk/sites/g/files/aatuss301/files/2020-02/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20UK%20Launch%20Deck.pdf>. Дата обращения: 05.11.2021.
34. Li J., Zhou Y., Yao J., Liu X. An empirical investigation of trust in AI in a Chinese petrochemical enterprise based on institutional theory // *Sci. Rep.* 2021. Vol. 11, No. 1. P. 13564. DOI: 10.1038/s41598-021-92904-7
35. Oláh J., Hidayat Y.A., Gavurova B. et al. Trust levels within categories of information and communication technology companies // *PLoS ONE*. 2021. Vol. 16, No. 6. P. e0252773. DOI: 10.1371/journal.pone.0252773
36. Spadaro G., Gangl K., Van Prooijen J.-W. et al. Enhancing feelings of security: How institutional trust promotes interpersonal trust // *PLoS ONE*. 2020. Vol. 15, No. 9. P. e0237934. DOI: 10.1371/journal.pone.0237934
37. Twaddle S. Building trust boosts business results // *MGMA Connex*. 2011. Vol. 11, No. 10. P. 28–29.
7. Gosudarstvo kak platforma: lyudi i tehnologii. Moscow, 2019 [Internet]. (In Russ.). Available from: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-01/16-01-2019-GovPlatform.pdf>. Accessed: 10.10.2021.
8. Dmitriev TA. Sokrushitel'naya sovremennost' Entoni Giddensa. In: Giddens E. *Posledstviya sovremennosti*. Transl. from Engl. G.K. Ol'hovikov, D.A. Kibal'chich. Moscow: Praxis; 2011. P. 7–106. (In Russ.)
9. Zombart V. Burzhua: k istorii duhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka [Internet]. (In Russ.). Available from: http://az.lib.ru/z/zombart_w/text_1913_der_bourgeois.shtml. Accessed: 15.10.2021.
10. Kodeks korporativnoi etiki Sbera [Internet]. (In Russ.). Available from: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/normative_docs/sberbank_code_of_corporate_ethics.pdf. Accessed: 17.10.2021.
11. Latov YuV. Institutional trust as social capital in modern Russia (based on monitoring results). *Polis. Political studies*. 2021;(5):161–175. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11
12. Lyuter M. Leksii k Poslaniyu k Galatam [Internet]. (In Russ.). Available from: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/gal01.php. Accessed: 03.10.2021.
13. Markov L. Through ESG to Sustainable Development [Internet]. *Gudok*. 2021;(193(27287)). (In Russ.). Available from: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=1583552&archive=2021.10.21>. Accessed: 14.10.2021.
14. Otsenka ekologicheskikh, social'nykh i upravlencheskikh riskov (ESG). Sber [Internet]. (In Russ.) Available from: https://www.spglobal.com/_assets/documents/ratings/ru/pdf/2021-11-29-new-sber-group-assigned-esg-evaluation-of-67-ru.pdf. Accessed: 28.11.2021.
15. Perov VJu, Tazenkova PA. The problem of moral trust. *Discourses of Ethics. Almanac*. 2012;1:152–170. (In Russ.)
16. Petrov M, Burov V, Shkljaruk M, Sharov A. Gosudarstvo kak platforma. (Kiber)gosudarstvo dlya cifrovoy ekonomiki cifrovaya transformatsiya [Internet]. Centr strategicheskikh razrabotok. Moscow; 2018. (In Russ.). Available from: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf>. Accessed: 16.10.2021.
17. Politika v oblasti social'noi i ekologicheskoi otvetstvennosti, korporativnogo upravleniya i ustoichivogo razvitiya [Internet]. PAO Sberbank. Moscow; 2021. (In Russ.). Available from: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/normative_docs/sber_esg_policy_rus.pdf. Accessed: 05.11.2021.
18. Porokhovskaya TI. Trust as a moral phenomenon. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Culturology*. 2018;4:(70(1)):56–64. (In Russ.)
19. Pravila delovoi i korporativnoi etiki gruppy kompanii Yandeks. [Internet]. (In Russ.). Available from: <https://yandex.ru/company/rules/code/>. Accessed: 06.10.2021.
20. Reuckaja GM. Trust as a category of professional ethics. *Bulletin of the Academy of Economic Security of the*

References

1. Boltanski L, K'yapello E. *Novyy dukh kapitalizma* Transl. from French. Ed. by S. Fokin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2011. (In Russ.)
2. Brodovskaya EV. Digital citizens, digital society and digital citizenship. *Vlast'*. 2019;(27):65–69. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6587
3. Veber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Internet]. (In Russ.). Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Veb_PrEt/04.php. Accessed: 08.11.2021.
4. Veselov YuV. *Doverie i spravedlivost': moral'nye osnovaniya sovremennogo ekonomicheskogo obshchestva*. Moscow: Aspekt Press; 2011. (In Russ.)
5. Veselov YuV, Kapustkina EV, Minina VN. *Ekonomika i sotsiologiya doveriya*. Saint Petersburg; 2004. (In Russ.)
6. Giddens A. *Posledstviya sovremennosti*. Transl. from Engl. G.K. Ol'hovikov, D.A. Kibal'chich. Moscow: Praxis; 2011. (In Russ.)

- Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;(6):115–118. (In Russ.)
21. Sasaki M, Davydenko VA, Latov JuV, et al. Problems and paradoxes of the analysis of institutional trust as an element of social capital in modern Russia. *Journal of Institutional Research*. 2009;1(1):20–35. (In Russ.)
  22. Seligmen A. Problema doveriya. Transl. from Engl. I.I. Myurberg, L.V. Soboleva. Moscow; 2002. (In Russ.)
  23. Solomin VP, Pigrov KS, Sultanov KV. Dilettantism as a problem of the new European civilization. *Society. Environment. Development*. 2015;(4(37)):68–73. (In Russ.)
  24. Sjendel M. Chto nel'zya kupit' za den'gi. Moral'nye ogranicheniya svobodnogo rynka. Transl. from Engl. N. Il'ina. Moscow; 2013. (In Russ.)
  25. Fukuyama F. Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu. Transl. from Engl. Moscow; 2004. (In Russ.)
  26. Hausman DM, Makferson MS. Filosofskie osnovaniya magistral'nogo napravleniya normativnoi ekonomiki. In: *Filosofiya ekonomiki. Antologiya*. Ed. by D. Hausman. Transl. from Engl. Moscow; 2012. P. 269–300. (In Russ.)
  27. Sztompka P. Doverie – osnova obshchestva. Transl. from Polish N.V. Morozova. Moscow: Logos; 2012. (In Russ.)
  28. Etika professora. Opyt kollektivnoi refleksii: kollektivnaya monografiya. Ed. by V.I. Bakshtanovsky. Tyumen'; 2020. (In Russ.)
  29. Best AL, Fletcher FE, Kadono M, Warren RC. Institutional distrust among African Americans and building trustworthiness in the COVID-19 response: implications for ethical public health practice. *J Health Care Poor Underserved*. 2021;32(1):90–98. DOI: 10.1353/hpu.2021.0010
  30. ESG Assets Rising to \$50 Trillion Will Reshape \$140.5 Trillion of Global AUM by 2025, Finds Bloomberg Intelligence. Available from: <https://www.bloomberg.com/company/press/esg-assets-rising-to-50-trillion-will-reshape-140-5-trillion-of-global-aum-by-2025-finds-bloomberg-intelligence/>. Accessed: 15.10.2021.
  31. Distel B, Koelmann H, Schmolke F, Becker J. The Role of trust for citizens' adoption of public e-services. *Trust and Communication*. 2021:163–184. DOI: 10.1007/978-3-030-72945-5_8
  32. Edelman Trust Barometer 2020. Global Report. Available from: <https://cdn2.hubspot.net/hubfs/440941/Trust%20Barometer%202020/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report-1.pdf>. Accessed: 05.11.2021.
  33. Edelman Trust Barometer 2020. UK Supplement #Trust-Barometer. Available from: <https://www.edelman.co.uk/sites/g/files/aatuss301/files/2020-02/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20UK%20Launch%20Deck.pdf>. Accessed: 05.11.2021.
  34. Li J, Zhou Y, Yao J, Liu X. An empirical investigation of trust in AI in a Chinese petrochemical enterprise based on institutional theory. *Sci Rep*. 2021;11(1):13564. DOI: 10.1038/s41598-021-92904-7
  35. Oláh J, Hidayat YA, Gavurova B, et al. Trust levels within categories of information and communication technology companies. *PLoS ONE*. 2021;16(6):e0252773. DOI: 10.1371/journal.pone.0252773
  36. Spadaro G, Gangl K, Van Prooijen J-W, et al. Enhancing feelings of security: How institutional trust promotes interpersonal trust. *PLoS ONE*. 2020;15(9):e0237934. DOI: 10.1371/journal.pone.0237934
  37. Twaddle S. Building trust boosts business results. *MGMA Connex*. 2011;11(10):28–29.

■ Информация об авторе

Светлана Владимировна Соловьёва — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и истории науки. ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения», Самара, Россия. E-mail: metaphisica2@gmail.com

■ Information about the author

Svetlana V. Solovyova — Doctor in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and History of Science. Samara State Transport University, Samara, Russia. E-mail: metaphisica2@gmail.com